Зеленкова Лидия Алексеевна

Мы – настоящие блокадники!

Я родилась в Ленинграде в 1933-м году и прожила 900 дней в блокадном Ленинграде. Мне приходилось слышать, как говорят, что нет ленинградцев, переживших блокаду, - на Пискаревке все они лежат, а дети все были вывезены из города, - мол, блокадники подставные. Я не могу молчать - я знаю ленинградцев, переживших блокаду, нас остается все меньше и меньше. Да, мы седые, мы больные, но мы еще живые. Чем старше я становлюсь, тем все сильнее груз блокадных воспоминаний давит на плечи.

Итак, все по порядку. У бабушки Кравченко Матрены Тарасовны, 1886 года рождения, было пять детей – три дочери и два сына, и их семьи. Все мы жили на Кондратьевском пр., д. 73, в трехкомнатной квартире 32 кв. м, в деревянном доме. Началась война, мужчины ушли на фронт, до сентября 1941 года все были живы.

Для нашей семьи война началась в ночь с 8 на 9 сентября, когда пятьсот самолетов были направлены на город, чтобы стереть его с лица земли. Бомбили все: фабрики, заводы, больницы, продовольственные склады, железнодорожные вокзалы, жилые дома. Было очень страшно, казалось, что земля уходит из-под ног. В эту ночь погиб мой отец – Баньков Алексей Дорофеевич, 1910 года рождения, он работал управляющим Домохозяйства № 71 у Финляндского вокзала. Когда началась бомбежка, везде погас свет, темно было и в бомбоубежище, куда во время полетов укрывались жители. Отец понес свечи в бомбоубежище, его отговаривали, кругом были разрывы от бомб, но он ответил: «Там дети, старики, им страшно». Свечи он отнес, но обратно в контору не вернулся. Он погиб от бомбы, на следующий день его тело собирали по частям. Долго не могли найти голову, ее нашла мама – Банькова Зоя Павловна, 1913 года рождения. Папу похоронили в последнем гробу, который нашли в районе Володарского моста. Пока везли на Кондратьевский пр., где жили, 14 раз объявлялась воздушная тревога. Позже уже ленинградцев хоронили без гробов, завернутых в простыни или одеяла - если хватало сил довезти до кладбища.

Мы уже были подготовлены к эвакуации, но мама сказала: «Сегодня - он, а завтра нас не будет» - и мы остались. Мы выжили в блокаду благодаря тому, что бабушка собрала нас всех в одну квартиру. Нас было десять человек, из них – трое детей (сестры двоюродные - Кравченко Валентина и Мария, дочь Подошкина Людмила). Взрослые работали, а мы были с бабушкой, которая в 1919 году пережила голод и знала, что это такое. И мы сумели посолить капусты из листьев, которые собрали на полях. А весной собирали траву (лебеда, клевер, крапива), пекли лепешки. Самой страшной была зима 1942 года – голодная и с сильными морозами. Бабушка из одной порции хлеба делала суп и всем выдавала по поварешке, а нам давала еще и полизать поварешку, пока она готовила суп. К 18 ч. бабушка обычно делала хлеб, который получали по карточкам. Я до сих пор помню, как Людмила (ей было 1 год 10 мес.) тоненьким голоском пела: «Бабушка, дели буню», когда стрелки часов подходили к 18 ч.

Сейчас от нашей большой семьи осталось только трое: я, сестра Валентина и тетя Мария Павловна, ей сейчас 91 год, она имеет медаль «За оборону Ленинграда», а мы – медали «Житель блокадного города».

Я помню, как мама с тетей Марией Павловной воду из Невы в санках в мороз возили, как огарки свечей берегли, как книгами буржуйку топили, как мертвых ленинградцев в пятитонках на кладбище возили в 1942-м году, когда от трупов

весною город очищали. Одна картина до сих пор, когда встречаю пятитонку, встает перед глазами: брезент приоткрылся и чьи-то волосы, почти касаясь земли, вслед за машиною летели. Машины проезжали очень быстро по Кондратьевскому пр., как будто старались побыстрее освободиться от своего груза.

Я в 1941-м году в первый класс пошла, но война, блокада не позволила учиться. Зато в 1942-м году кто выжил – тот пошел учиться. Было холодно, в чернильницах чернила замерзали, было голодно. Дурандой нас кормили, отваром из сосны поили (жмых от семечек), чтоб не было цинги. За хорошую учебу нам «Похвальные грамоты» выдавали. Тогда мы не понимали, что своим трудом, учебой мы День победы приближали. А дома нас лепешками из травы кормили, у нас у всех были большие животы, с большими животами ходили все женщины, как травоядные существа. А знаете, о чем мечтали ленинградцы? Наесться хлеба. Вот почему до сих пор кусочек хлеба выбросить в мусор – не поднимается рука.

Нам трудно вспоминать, но надо, чтобы наши внуки, внуки внуков могли гордиться мужеством и стойкостью тех людей, которые для них наш город сохранили. Нам, конечно, повезло, мы выжили, всем недругам назло. Спасибо всем - и мертвым, и еще живым – за то, что нас, детей, в блокаду сохранили, что на своих и чужих нас не делили. Себя же не щадили ни в бою, ни у станка в тылу. Мама моя работала на заводе «Лентрублит» формовщицей, делала снаряды, а после войны восстанавливала решетку Литейного моста.

Спасибо всем, кто сейчас заботиться о нас, кто нам подарки, медали и поздравления вручает. Мы же хотим, чтобы никто, нигде и никогда не испытал того, что пережили ленинградцы.